

УДК 94(476)"1946"

БЕЛОРУССКИЙ СЮЖЕТ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА МИРНОГО ДОГОВОРА С ИТАЛИЕЙ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ПМК) 1946 г.

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Белорусские интересы и претензии к побежденной Италии проявились в ходе разработки мирного договора с ней. Они выразились в предложении о репарациях с Италии в пользу БССР, а также в белорусской поправке к проекту мирного договора с Италией. Эта поправка вводила белорусскую линию югославо-итальянской границы, которая на основе этнического принципа открывала бы Словении в районе Триеста выход к Адриатическому морю.

Ключевые слова: белорусский сюжет; Парижская мирная конференция 1946 г.; мирный договор с Италией.

BELARUSIAN DEVELOPMENT STORY INITIAL DRAFT PEACE TREATY WITH ITALY ON THE EVE OF THE PARIS PEACE CONFERENCE 1946

A. P. Salkov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, anatsalkov@mail.ru*

Belarusian interests and claims to defeated Italy emerged during the development of a peace treaty with it. They were expressed in the proposal for reparations from Italy in favor of the BSSR, as well as in the Belarusian amendment to the draft peace treaty with Italy. This amendment introduced the Belarusian line of the Yugoslav-Italian border, which, on the basis of the ethnic principle, would open access to the Adriatic Sea for Slovenia in the Trieste region.

Keywords: Belarusian story; Paris Peace Conference 1946; peace treaty with Italy.

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений в основном сложилась к концу войны, причем как биполярная, конфронтационная и предельно идеологизированная. Тем не менее, на Потсдамской конференции, уже на начальном этапе функционирования системы, был создан орган для урегулирования национально-территориальных конфликтов — Совет министров иностранных дел (СМИД) пяти великих держав. В 1945–1949 гг. прошли шесть сессий СМИД, ряд совещаний министров, а также заместителей министров. На них разрабатывались материалы для ПМК (проекты мирных договоров со странами фашистской «оси», предложения по послевоенным границам, подходы к репарационным обязательствам) и механизм реализации решений конференции.

На I сессии СМВД в Лондоне (11 сентября–2 октября 1945 г.) началась выработка мирного договора с Италией (первой капитулировавшей перед союзниками и объявившей войну Германии), который должен был определить югославско-итальянскую границу и объем репараций с Италии. 17 сентября министр иностранных дел Франции Жорж Бидо направил письмо правительству Белорусской ССР с просьбой изложить свои взгляды на мирный договор с Италией [1, л. 2–3]. Подобный шаг был естественным и необходимым, так как БССР имела свой союзно-республиканский Народный комиссариат иностранных дел (НКВД, создан 24 марта 1944 г.), в качестве государства-учредителя подписала Устав ООН (26 июня 1945 г.) и имела законное место на ПМК.

Обстоятельства Триестинского кризиса мая–июня 1945 г., потрясшего союзников по антигитлеровской коалиции, были свежи в памяти [2, с. 128–141]. Тем не менее, обсуждение проекта мирного договора с Италией обозначило дальнейшее углубление противоречий между ними. В директивах политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на I сессии СМВД предписывалось наряду с прочим настаивать на предоставлении СССР опеки над итальянской колонией Триполитанией, оккупированной во время войны союзниками и находившейся в тот период времени под управлением британской администрации. Дело в том, что во время Сан-Францисской конференции в июне 1945 г. госсекретарь США (с декабря 1944 по июнь 1945 г.) Эдвард Стеттиниус в переписке с советским послом в Вашингтоне А. А. Громыко в общих чертах согласился с этой советской заявкой, так как американцы были тогда заинтересованы в участии Советского Союза в войне с Японией. Попытка же наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова связать на сессии по требованию И. В. Сталина проблему опеки и мирный договор с Италией вызвала резкий отпор англичан. По их версии на вопрос Молотова «вы что же, не хотите дать нам даже угол в Средиземноморье?», отличавшийся развязностью министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин ответил: «а зачем он вам?» [3, с. 72–73].

С 22 сентября СМВД прекратил обсуждение мирных договоров, возобновив дебаты по процедуре, которые при взаимной непримиримости привели к провалу сессии. Советник госсекретаря США (с июля 1945 по январь 1947 г.) Джеймса Бирнса на сессии Джон Даллес (будущий госсекретарь США в 1953–1959 гг.) писал, что его шеф «не хотел ради соглашения с Советским Союзом идти на компромисс. Тогда-то и родилась наша послевоенная политика — никакого умиротворения» [4, с. 80–81]. В данной обстановке белорусского ответа на письмо Ж. Бидо не последовало. 2 октября сессия закончилась безрезультатно. Ни одно из советских

предложений не прошло. Не было подписано ни одного документа, совместного коммюнике, даже не был определен срок созыва II сессии. Обсуждение итало-югославской проблемы Истрии-Триеста вылилось в острейшую дипломатическую схватку за политическое и экономическое присутствие на Балканах. Западные союзники, смирившиеся с геополитической гегемонией СССР в восточной и центральной части полуострова, всеми силами препятствовали распространению его влияния на западе Балкан [5, с. 371–376].

Черновая разработка и согласование проектов мирных договоров с сателлитами Германии продолжилась на Совещании заместителей министров иностранных дел Великобритании, СССР, США и Франции (Лондон, февраль–апрель 1946 г.), а также в Межсоюзной комиссии экспертов по итало-югославской границе, выводы которой должны были составить важный аспект договора с Италией. На ход обсуждения этой границы сильно повлиял кризис на Среднем Востоке, вызванный поддержкой Москвой азербайджанских и курдских сепаратистов в Иране и ее отказом вывести полностью свои войска из этой страны. Действия СССР вдоль условной линии от Афганистана до Италии, обозначаемой в стратегическом планировании США как «Северный ярус», заставили Запад приступить к разработке новой политики по отношению к СССР с целью заполнить геополитический вакуум вдоль упомянутой линии. Не случайно известная речь британского премьер-министра Уинстона Черчилля в Фултоне была произнесена 5 марта 1946 г., в разгар иранского кризиса, который стал для американских политиков уроком и поводом для силового разговора с Москвой не только на Среднем Востоке, но и на Западных Балканах [6, с. 80–82]. В те же дни Объединенный разведывательный подкомитет Комитета начальников штабов Великобритании в докладе «Стратегические интересы и намерения России» от 1 марта пришел к выводу, что долгосрочная цель СССР — занять «могущественное и величественное положение, которое в полной мере соответствовало бы его огромной территории и ресурсам», достигнув «позицию доминирования в мире» примерно за 50 лет. При этом Москва, как считалось в докладе, «по крайней мере, в краткосрочной перспективе» будет воздерживаться от действий, провоцирующих войну с Западом [7, с. 366–368].

Именно в период работы Совещания заместителей и в дни формального начала холодной войны правительство Белорусской ССР подготовило ответ на давнишнее письмо Ж. Бидо. Ответ был представлен 27 марта 1946 г. заведующим I Европейским отделом МИД С. П. Козыревым на рассмотрение заместителю министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозову и получил одобрение. В документе отмечалось, что итальянские войска, отступая из-под Сталинграда, с декабря 1942 г. по май 1943 г. вели

на территории Беларуси ожесточенную борьбу с партизанами и нанесли большой урон народному хозяйству республики [1, л. 3–4]. Обстоятельства выглядели следующим образом. 8-ая итальянская армия под командованием генерала армии Итало Гарибольди (к ноябрю 1942 г. насчитывала до 235 тыс. штыков) была разгромлена во время Сталинградской битвы. В ходе Среднедонской наступательной операции (16–30 декабря 1942 г.) были уничтожены три итальянские бригады, Острогужско-Россошанской (13–27 января 1943 г.) — три итальянские альпийские дивизии. Было окружено около 130 тыс. итальянцев, из которых около 21 тыс. погибли, до 64 тыс. попали в плен, а около 45 тыс. вышли из окружения. Часть последних была возвращена в Италию, а часть — передислоцирована на оккупированную территорию Украины и Польши [8]. Маршрут большинства итальянских окруженцев пролегал через Беларусь, где они и отличились отмеченными в белорусском ответе преступлениями.

Косвенно это повлияло на то, что наступательные операции Западного фронта на оршанском, витебском и богушевском направлениях (октябрь 1943 — март 1944 г.) не достигли всех поставленных Ставкой ВГК целей. Однако войска Калининского (1-го Прибалтийского), Западного и Центрального (Белорусского) фронтов с огромным напряжением сил освободили восточные и юго-восточные районы БССР, составившие пятую часть территории республики [9, с. 70, 85–86].

При разработке плана операции «Багратион» важным фактором являлось наличие в тылу врага армии белорусских партизан (150 бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью свыше 143 тыс. бойцов), которая к лету 1944 г. контролировала более половины оккупированной врагом территории Беларуси. Учитывался массовый террор и геноцид, угнетение и депортация белорусского населения, разрушение и уничтожение экономического пространства, к чему были причастны и военные формирования 8-ой итальянской армии [10, с. 366].

В белорусском ответе на письмо Ж. Бидо отмечалось, что было бы справедливо получить с Италии определенную сумму репараций. Точная сумма не определялась «в надежде на выделение справедливой доли», но допускалось ее понижение, так как Италия первой порвала с Германией. По вопросу об установлении справедливой границы с Югославией подчеркивалось, что БССР испытывает «живейшее сочувствие борьбе югославского народа за свое национальное объединение, так как сама недавно осуществила объединение своего народа» и выступает за передачу Югославии Юлийской Крайны, а также Триеста, который нельзя отрывать от этого края [1, л. 5–10].

Межсоюзная комиссия экспертов по итало-югославской границе из-за острых разногласий не смогла прийти к общему мнению. 23 апреля 1946 г. вместо одной согласованной она представила четыре разграничительные линии границы. Советская линия почти совпадала со старой итало-австрийской границей 1866 г. и максимально учитывала все, даже чрезмерные, претензии Белграда. Французская, английская и американская линии одним пучком проходили гораздо восточнее и оставляли на итальянской стороне многие районы и города. Юго-восточнее Триеста эти три линии разделялись, по-разному углубляясь в территорию полуострова Истрия, который традиционно считался югославским. Французская (наиболее близкая к советской) передавала Италии обширный район вокруг Триестинского залива с Триестом и северо-западное побережье Истрии. Английская линия оставляла за Италией все западное побережье Истрии и даже выходила у южной оконечности полуострова на его восточное побережье. Американская линия шла еще восточнее, отдавала Италии административный центр Пазин и юго-восточное побережье Истрии, оставляя у Югославии лишь северо-восточное побережье Истрии с городом Риекой [11, s. 50–51].

При рассмотрении коллизии с границей на Парижской мирной конференции делегация Белорусской ССР внесла поправку к проекту мирного договора с Италией в виде предложения о пятой — белорусской линии границы, которая была проведена между советской и французской линиями. Она считалась крайним минимумом, на который Югославии можно было пойти для достижения приемлемого компромисса [12, л. 55–56]. Белорусская линия, руководствуясь этническим принципом, в отличие от французской, отрезавшей Словению от моря, устраняла этот коридор и открывала Словении выход к Адриатике [13, л. 158–160]. Тем самым была бы реализована цель «программы Объединенной Словении», выдвинутой еще в ходе революционных событий 1848 г.

Выступая 4 сентября 1946 г. на заседании Комиссии по Италии ПМК, министр иностранных дел БССР К. В. Киселев дал детальное топографическое описание белорусской линии. Он осудил французскую линию, оставлявшую вне границ Югославии 180 тыс. компактно проживавших славян, назвав ее не «линией этнического равновесия, а линией этнической несправедливости», которая «запрещала словенскому народу выход к Адриатическому морю» [14, л. 132–135]. В результате напряженной дипломатической борьбы все же была принята французская линия, создано квазигосударство Свободная территория Триест, а 10 февраля 1947 г. подписан мирный договор с Италией [15, с. 62–65].

Библиографические ссылки

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 7. Д. 32.
2. Сальков А. П. СССР и Триестинский кризис (май–июнь 1945 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Вып. 4. Мінск : БДУ, 2009. С. 128–141.
3. «Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...» (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре–декабре 1945 г.) / Публикация В. Печатнова // Источник. 1999. № 2. С. 70–85.
4. Агафонова А. Г. Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война / А. О. Чубарьян (отв. ред.). М. : ИВИ РАН, 1997. С. 63–83.
5. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск : БГУ, 2019. 743 с.
6. Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002. 311 с.
7. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. О. Чубарьяна и О. А. Вестада. М. : Аспект Пресс, 2021. 960 с.
8. Софронов В. Г. Итальянские войска на Восточном фронте. М. : Вече, 2012. 384 с.
9. Освобождение Беларуси. 1943–1944 / Редкол. И. И. Басик, А. А. Каваленя [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2014. 944 с.
10. Страна в огне: в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн. Кн. 1. Очерки / Отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. М. : Абрис, 2017. 734 с.
11. Večerina Duško. Talijanski iredentizam. Zagreb : bez izdavača , 2001. 290 s.
12. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 3. Д. 55.
13. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 13. Д. 30.
14. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 907. Оп. 1. Д. 7.
15. Сальков А. П. «Белорусская линия» югославско-итальянской границы: забытый факт в урегулировании геополитического конфликта в Западно-Балканском регионе (1945–1947) // Гуманитарно-экономический вестник (Минск). 2018. № 3–4. С. 58–65.